

УДК 94(6)

А.Й. Элез

*Центр изучения стран Тропической Африки
Института Африки Российской Академии наук
(г. Москва, Российская Федерация)*

**ПРАКТИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В НИГЕРИИ
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НИГЕРИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

Аннотация. Статья посвящена современным принципам деятельности основных партий Нигерии – Конгресса всех прогрессивных сил и Народно-демократической партии – и связи этих традиций с политической культурой общества. Эта культура не только влияет на деятельность партий, но и сама во многом зависит от нее. Практика политических партий Нигерии, опирающаяся на во многом далекие даже от норм буржуазной демократии законы, способствует в обществе укреплению коррупционной политической культуры в обществе и готовности принимать партии не как идеологически связанные группы, а как предпринимательские структуры.

Ключевые слова. Нигерия, коррупция, политические партии, финансирование политических партий, выборы, КВПС, НДП.

A.I. Elez

*Center for Tropical African Studies
Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)*

**PRACTICE OF POLITICAL PARTIES IN NIGERIA
AND POLITICAL CULTURE OF NIGERIAN SOCIETY**

Abstract. The article is devoted to the modern principles of the activities of the main parties in Nigeria - the Congress of All Progressive Forces and the People's Democratic Party - and the connection of these traditions with the political culture of society. This culture not only influences the activities of parties, but itself largely depends on it. The practice of political parties in Nigeria, based on laws that are largely far from even the norms of bourgeois democracy, contributes to the strengthening of a corrupt political culture in society and the willingness to accept parties not as ideologically connected groups, but as business structures.

Key words. Nigeria, corruption, political parties, political party funding, elections, APC, PDP.

Положение и деятельность политических партий в Нигерии последних десятилетий заслуживает особого внимания. Эта страна может считаться одним из образцовых (а потому одним из наиболее разоблачительных) примеров такого «плюрализма», при котором множество буржуазных партий (а иные на выборах – если, конечно, участвуют в них – получают мизерные проценты голосов) выступают, грубо говоря, за всё хорошее против всего плохого, причем во всех областях общественной жизни, и совершенно не могут быть отличены одна от другой по программным установкам. Следует, однако же, заметить, что

при том, что результаты голосования на выборах в Нигерии из года в год показывают в целом крайне низкий уровень политического сознания населения, позволяющий ему не считать абсолютно бессмысленным какой бы то ни было вообще *выбор* между совершенно стереотипными программами (а на выборах – предвыборными платформами), в этой стране очень развита политическая аналитика, заметно возвышающаяся над господствующим в обществе обыденным сознанием и представленная как деятелями науки, так и активистами средств массовой информации (в том числе многочисленными участниками дискуссий в электронной сети).

23 февраля 2019 г. в Нигерии прошли очередные выборы президента, а также членов сената и депутатов палаты представителей. На президентских выборах победу одержал действующий президент Мохаммаду Бухари, выдвинутый кандидатом в президенты Конгрессом всех прогрессивных сил (КВПС). Выборы эти были оценены наблюдателями как весьма мирные, особенно в сравнении с выборами прошлых лет. Глава миссии наблюдателей, направленной Африканским Союзом (АС), Хайлемариам Десалень (бывший премьер-министр Эфиопии) сразу же после выборов признал, что прошли они в мирной обстановке. Ну, а волна превентивного предвыборного насилия и в день голосования (в частности, в городе Майдугури в штате Борно в день выборов незадолго до открытия избирательных участков прозвучало несколько взрывов, вину за которые средства массовой информации возложили на исламских боевиков), по мнению *наблюдателей*, надо полагать, не идет ни в какое сравнение с той волной насилия незадолго до и вскоре после выборов, которую пережила страна в прошлые годы.

Пишущие на тему выборов в Нигерии если и признают это нигерийское электоральное замирение, то объясняют его чаще всего общей тенденцией развития нигерийского общества, якобы от выборов к выборам всё более приходящего к «демократии» и ее «правилам» и неуклонно наращающего свою политическую культуру. Мы же укажем лишь на одну эмпирическую подробность, которая не ускользнула даже от тех, кто на фоне таких подробностей рисует потом совершенно противоречащие им благополучные «тенденции». Насилия накануне и сразу после избрания христианина Г.Джонатана на второй (фактически – на первый *полный*) срок в Нигерии хватало; а уж в течение всего полного срока этого президента слова «Боко Харам» в сообщениях средств массовой информации (в том числе и вне Нигерии) попадались едва ли не чаще, чем фамилия «Джонатан» и даже чем слово «коррупция», и при этом то, что вопреки «традиции» конфессионального чередования полному сроку Г.Джонатана предшествовал его же *неполный* срок, упоминалось как весьма значительный мотив исламских боевиков. Но то, что М.Бухари после *полного* срока собрался на следующий, не менее *полный*, не вызвало в Нигерии и малой доли былого исламистского террора, – а волна насилия *перед началом голосования* может расцениваться лишь как попытка запугивания противника, – говорит не о прогрессе политической культуры (для которого необходимы реальные, прежде всего экономические, предпосылки, а не лишние тонны миротворческой пропаганды), а только о том, что исламистам *в аспекте отношения к президентской должности* (остальных аспектов это не касается) не было против чего выступать после избрания М.Бухари и что мусульманину они с радостью предоставили бы не только двойной, а и вековой срок, а христианину даже за полуторный срок обеспечить массовый террор от звонка до звонка.

Именно от звонка до звонка, а не только по несколько дней до и после всеобщих выборов. В 2010 г. террористы не обошли своим вниманием даже полу-

вековой юбилей независимости Нигерии. Конечно, церемониальную сторону празднования шестидесятилетия независимости Нигерии в октябре 2020 г., когда проведению массовых мероприятий в большинстве стран препятствовала эпидемическая обстановка, оценивать излишне. Однако настрой нигерийского общества в отношении самой годовщины достаточно определенно показан в средствах массовой информации. Скажем, лондонский сайт «Christian Today» (2020, October 4, 8:53 AM) сообщает о выступлении нигерийского католического архиепископа Августина Акубезе перед священнослужителями и верующими по случаю дня независимости Нигерии. В этом выступлении архиепископ заявил, что спустя шестьдесят лет после окончания британского колониального господства в Нигерии поводов для празднования у нигерийцев мало, поскольку страна находится в бедственном экономическом положении («как можем мы праздновать, когда многие из наших людей не имеют средств на пропитание?»), раздираема социальными противоречиями и не может обеспечить своим гражданам безопасности в условиях непрекращающейся активности террористов.

Поистине, стоило только победить на выборах 2019 г. христианину, и сто-крат яснее увидели бы тогда нигерийцы, да и не только они, каков на деле «прогресс политической культуры» в этом обществе и как в нем неуклонно укоряются «цели и практика современных демократий». Классовый *сравнительный* анализ деятельности Г.Джонатана и М. Бухари на посту президента Нигерии вряд ли сулит какие-то значимые научные результаты даже при использовании микроскопа, а вот на очевидное соотношение *реальных* сил ислама и христианства в этой стране (и вообще в мире) в период империализма нам уже доводилось указывать в своих работах как на важный фактор нигерийской (и не только) общественной жизни. При том, что легальные представители обеих названных мировых религий то и дело сообщают нам, что, оказывается, их священные тексты плохому не учат (хотя из самих текстов можно точнее понять, чему они учат и чему не учат), и призывают отличать конкретную религию от ее-де извращения экстремистами, ни для кого не является секретом (даже для иерархов), какая из конфессий характеризуется молитвами, покаяниями да смирением, а какая – еще и активными социально значимыми действиями и самопожертвованием в борьбе с «неверными» без оглядки на какое бы то ни было законодательство. Конечно, исторические «заслуги» христиан по части истребления людей (прежде всего «неверных») и по части уничтожения храмов (прежде всего нехристианских) бесспорны, но сегодняшнее христианство по отношению к исламу (в Нигерии это особенно заметно), несмотря на обильные заклинания о свободе вероисповедания, о межконфессиональной гармонии и тому подобном, пребывает в глухой обороне. Ведь в последние десятилетия нигде в мире не укоренились (и даже вряд ли часто применялись) термины «*христианские экстремисты*» или «*христианские боевики*». Разумеется, современный политический террор, в Нигерии в том числе, ни с какой стороны не исключает эксцессов и частной инициативы – зачастую в форме ответа на террор в отношении себя и своих единоверцев, – но общая статистическая закономерность совершенно очевидна. Против президентского статуса Г.Джонатана было кому впасть в экстремизм, против же президентского статуса М. Бухари, по большому счету, – некому.

Более того, очевидная поддержка, оказанная последнему не только на последних, но и на предпоследних президентских выборах в Нигерии *также и частью христианского населения*, может свидетельствовать о понимании им того, что единственное более или менее надежное ожидание, которое оно мо-

жет связывать с избранием мусульманина на президентский пост, – что у исламистов в этом случае резко снизится террористическая активность в отношении христиан или даже что ни одно средство так не ослабит антихристианский террор исламистов в стране, как избрание мусульманина на президентский пост. Оговоримся, во избежание недоразумений, что речь в данном случае идет о терроре, связанном с так называемым послевыборным насилием (включая даже и то отдаленное во времени насилие, которое обусловлено именно результатом последних президентских выборов), а не вообще о терроре в Нигерии, имеющем различные экономические, политические и идеологические предпосылки и не исчезающем полностью ни при какой смене высшего руководства страны.

Разумеется, конфессиональный фактор – лишь один из факторов, ориентировавших избирателей в пользу кандидатуры М. Бухари. Были и иные, оказавшие на президентских выборах 2015 г. значительное влияние на позицию избирателей, но во многом утратившие значение к выборам 2019 г., когда политическая биография М. Бухари, имеющая решающее значение для избирателей, была уже богаче на целый президентский срок. В 2015 г. надежды на М. Бухари опирались на совершенно иную его биографию, куда более нынешней настраивавшей избирателя на оптимизм. Вот что пишет об этом Аувалу Анвар: «Бухари, возглавляя страну, считал политический класс коррумпированным, безответственным и не заслуживающим доверия. Его (М.Бухари – А.Э.) двадцатимесячное правление до сих пор памятно самоуправством и огульным лишением свободы основных политических деятелей и их соратников по всей стране. Однако в целом считалось, особенно среди простых людей, что Бухари сделал все возможное, чтобы остановить ужасный призрак коррупции, потребления и распространения наркотиков и пренебрежения дисциплиной, ставших типичными для страны... Общественное восприятие Бухари как нестяжателя по натуре, всегда по этому поводу находящегося в конфликте с элитой, расположило к нему менее привилегированных, которые искренне верили, что он сможет либо вывести их из бедности, либо, по крайней мере, в их пользу ущемить богатых, если займет пост во власти... Кроме того, революция в области ИКТ, передавшая владение социальными сетями и управление их работой в руки молодых людей, многие из которых во время правления Бухари еще и не родились, в значительной степени способствовала живучести «мифа о Бухари». Да и тот факт, что Бухари был у власти недостаточно долго, чтобы полностью провести свой курс, также спас его от конфуза...» [2, 450–451].

За победой же Г.Джонатана на выборах 2011 г., как мы помним, последовала мощная волна насилия. Нет слов, работе А.Р.Мустафы «Выборы лучше – смертей больше: Нигерия» [6] актуальность обеспечена на много лет вперед уже самим ее заглавием, хотя сама история выборов в Нигерии доведена автором лишь до 2011 года. Одним из основных факторов насилия в Нигерии *после выборов 2011 г.* А.Р.Мустафа считает именно конфессиональный, указывая, в частности, на ту *объективно разобщающую* роль, которую сыграло проведенное Народно-демократической партией (НДП) *ради укрепления единства общества* зонирование учреждений: «Однако уже из более тесной интеграции страны проистекало также повышение в некоторых случаях градуса острых споров. То, что после выборов 2011 г. последовало насилие *на религиозной почве* [курсив наш. – А.Э.], показывает пределы эффективности стабилизирующих реформ. В частности, как так вышло, что утихомиривающее действие реформ в 2011 г. не сказалось? Одна из реформ, хотя и ограниченная пределами правящей НДП, это – политика зонирования важнейших государственных и партийных учреж-

дений по разным этнорегиональным округам с тем, чтобы, когда обсуждаются национальные дела, для всех основных секторов нигерийского общества было место за высоким столом. Если сохраняющееся горизонтальное неравенство продолжало подпитывать страхи и отчуждение северян, именно вмешательство НДП с этим принципом зонирования подготовило почву для насилия после выборов. Поражение оппозиционного КПИ на выборах 2011 г. послужило лишь спичкой, зажегшей фитиль в ситуации, когда всё уже было готово к взрыву» [6, 86]. И это, заметим, – при том огромном перевесе голосов, с которым победил на президентских выборах 2011 г. Г.Джонатан.

А.Р. Мустафа показывает в своей работе, что, несмотря на миротворческие надежды на зонирование, «этот процесс имел и непредвиденные последствия в виде консолидации границ этнических групп и стимулирования деятельности этнических политических предпринимателей. Во многих местах исконные притязания «коренных жителей» противопоставляются гражданским правам проживающих там «поселенцев», что ведет к новым формам конфликтов» [6, 93–94]. Соответственно, при оценке ситуации после выборов 2011 г. «списывать причины насилия на генерала Бухари и КПИ в этом контексте значит не учитывать исторические, социальные и непосредственно политические корни этого насилия» [6, 93].

Всего на президентский пост на выборах 2019 г. в Нигерии баллотировались 73 кандидата, но основная борьба разворачивалась между М. Бухари и Атику Абубакаром. Главный соперник действующего президента А. Абубакар, представляемый средствами массовой информацией и всей его собственной предвыборной кампанией как оппозиционер, был выдвинут НДП, программные расхождения которой с КВПС определенно не стоят той оппозиционности, которую А. Абубакар разыгрывал в предвыборный период и которая только в предвыборных выступлениях А. Абубакара и выходила за рамки представления интересов конкретных группировок в область действительно идейной борьбы и конкуренции разных концепций развития общества. Различия М. Бухари и А. Абубакара как политиков, по большому историческому счету, не принципиальны (двухпартийные выборы, т. е. фактически выборы одного из двух представителей одного и того же правящего класса при наличии какого угодно числа бесперспективных кандидатов от партий-статистов капитализм практикует уже не десятилетиями – веками), но эти различия всё же превышают те, которые могли бы быть предположены исключительно на основании *партийной принадлежности* этих кандидатов, хотя и сама НДП подавала себя именно как оппозиционную партию.

До выборов 2019 г. соотношение сил политических партий в Нигерии уже не один год как в целом сложилось (КВПС, собственно, был сформирован в 2013 г. к выборам 2015 г., которые и выиграл его выдвиженец М. Бухари), поэтому двухпартийность *de facto* этих многопартийных *de jure* выборов в Нигерии была изначально очевидной. Конечно, исследователям отрадно видеть, что «в настоящее время появляется ряд политических группировок, которые стремятся использовать разочарование населения в КВПС и НДП. Они повышают осознание гражданами той силы, которой они обладают, и призывают положить конец политической безнаказанности, поощряя электорат к привлечению политических лидеров к ответственности» [10, 1]. Но подобные оптимистические разглагольствования не дают пояснений «гражданам» ни по поводу «той силы, которой они обладают», ни по поводу того, какими средствами (кроме очередного голосования) можно «привлечь», да еще и «положить конец», ни по поводу того, при какой именно власти «электорат» получит реальную возмож-

ность «привлечения политических лидеров к ответственности» – при власти партий этих самых лидеров или же при какой-то иной, – тогда какой именно и каким образом оказавшейся у власти?

На выборах 2019 г. в Нигерии за места в парламенте боролась 91 партия. Правда, вскоре после этих выборов партийная жизнь в Нигерии претерпела заметные организационные изменения (подробнее мы на них остановимся ниже), но то, к чему сегодня пришла страна в плане деятельности политических партий, может быть понято только в связи, помимо прочего, с их историей в последние десятилетия. Эта история в достаточной степени освещена в литературе, и мы позволим себе сосредоточиться лишь на тех аспектах деятельности ведущих нигерийских политических партий, которые в значительной мере отражают уровень политической культуры современного нигерийского общества.

В предвыборном 2018 году в Нигерии насчитывалось уже 68 зарегистрированных партий, почти исключительно буржуазных, и при таком их числе вряд ли у кого-то повернулся бы язык сказать, что для решения усугубляющихся проблем нигерийского общества нужно зарегистрировать еще пару дюжин таких же партий. То, что у подавляющего большинства нигерийцев не было и нет запроса на многотомные избирательные бюллетени, можно понять практически из всех средств массовой информации и из любой нигерийской интернет-страницы, где частные лица обсуждают политическую жизнь в стране. Зато очевиден был запрос общества на сокращение числа партий. Но лишать партии регистрации можно по закону и в нарушение закона, в интересах большинства населения и в интересах меньшинства населения, и о *каком* *попало* сокращении почти никто в стране не заявлял. Но писаная история показывает, что, когда у власти есть возможность обеспечить корпоративные интересы якобы в ответ на запрос масс (по известному принципу «под их лозунгами – к нашей цели»), власть ее обычно не упускает.

Тем не менее, когда политические структуры в стране уже активно готовились к всеобщим выборам 2019 г., Независимая национальная избирательная комиссия (ННИК) на своем очередном заседании 14 августа 2018 г. первым же решением утверждает регистрацию новых политических партий: «Комиссия одобрила регистрацию 23 новых политических партий. Она получила общим числом 144 заявки от политических ассоциаций с просьбой о регистрации их в качестве политических партий. После тщательного процесса оценки в соответствии с Конституцией и Законом о выборах, включавшего рассмотрение конституций и манифестов партий-соискателей и проверку членства их исполнительных комитетов и офисов, 23 ассоциации были признаны выполнившими все требования и поэтому были зарегистрированы как политические партии. Это доводит количество политических партий до 91 и будет последним раундом регистрации партий до проведения всеобщих выборов 16 февраля 2019 г.», – сообщил сайт ННИК.

Судя по многочисленным публикациям с нигерийской печати, запрос общества на сокращение числа политических партий после такого решения, мягко говоря, не убавился. А при подготовке и проведении всеобщих выборов 2019 г. ННИК и избиркомы на местах столкнулись с массой технических проблем, к тому же те нигерийские избиратели, которые на выборах не сообщают о своей уже сформировавшейся привязанности, а именно *делают выбор* здесь и сейчас, тоже были в немалой степени дезориентированы непосильными для них списками кандидатур в бюллетенях. Но нет никаких оснований предполагать, что эти проблемы для законодательной и исполнительной властей и в

особенности для ННИК оказались неожиданными. Более того, ответственные инстанции открыто признавали это издержками либеральной демократии с ее многопартийностью, которые общество вынуждено терпеть несмотря на то, что большое число партий ослабляет оппозицию.

Но именно потому, что *большое число партий ослабляет оппозицию*, мы считаем вполне естественным то, что *перед* всеобщими выборами 2019 г. ННИК *до последнего* регистрировала новые партии, а после выборов, – предоставивших М. Бухари уже не первый, а *второй* срок, – в течение некоторого времени для приличия выжидала (и рассказывала населению о неприемлемости лишения уже зарегистрированных ею партий регистрации), а затем, думая уже о будущем, от предвыборной тактики *ослабления оппозиции* резко перешла к борьбе против *ослабления оппозиции*, т. е. избирательно ограничила многопартийность. 6 февраля 2020 г. на пресс-конференции, проведенной по-прежнему *независимой* национальной избирательной комиссией, где ее председатель Махмуд Якубу, ранее ратовавший за неприкосновенность многопартийности и выступавший против лишения политических партий регистрации, сообщил, что ННИК лишила регистрации 74 из 92 (к тому моменту) политических партий Нигерии и что число партий в стране теперь составляет 18. М. Якубу внезапно вспомнил, что «до четвертого изменения Закон о выборах 2010 г. (с изменениями) разрешал лишение политических партий регистрации. Основываясь на этом разрешении, комиссия между 2011 и 2013 гг. лишила регистрации 39 политических партий. Однако ряд партий оспорил право ННИК на лишение их регистрации, в частности на том основании, что Закон о выборах ниже конституции и что лишение регистрации нарушает их основные права, предоставленные им той самой конституцией. Соответственно, суды требовали от комиссии восстановить эти партии. Именно по этой причине Национальное Собрание *изменило конституцию*, дав право комиссии лишать регистрации политические партии по ряду формальных оснований».

То, что Национальное Собрание поддержало не действующую на тот момент Конституцию, а ННИК, и предпочло вместо соблюдения конституции *дополнить* ее, больше говорит о некотором едином источнике политических изменений в стране, чем о разделении властей. Впрочем, подгонка конституции под корпоративные интересы определенных экономических и политических группировок вовсе не выходит за рамки буржуазной демократии.

Особого внимания заслуживает вопрос о финансировании политических партий, которое в Нигерии является, помимо прочего, действенным средством разложения политической культуры общества. В Нигерии, не переставая быть большим вопросом, он давно уже стал также и вопросом банальным, и к взаимным обвинениям партий в финансовых махинациях публика в этой стране давно уже привыкла. Разумеется, после выборов 2015 г. (и особенно перед выборами 2019 г.) основной мишенью в этом отношении стала правящая партия. Именно Конгресс всех прогрессивных сил, открыто (прежде всего устами М.Бухари) заявлявший об отказе от традиционных для нигерийских партий (включая правящие в те или иные периоды) способов пополнения партийной казны, вызывает наибольший интерес, причем не из-за какого-то необыкновенного разбухания кубышки, а, напротив, из-за явной для многих недостаточности финансовых возможностей КВПС для проведения полноценной избирательной кампании. Эта недостаточность наталкивает политиков и журналистов на поиск каких-то источников финансирования, скрытых от глаз публики, ибо сослаться на поддержку масс партия могла бы только при объяснении (и то неполном) результатов голосования, но никак не для объяснения того, на

какие деньги проводятся праймериз (primaries – первичные, внутрипартийные выборы), партийные сходки и иные весьма дорогостоящие мероприятия.

Обратимся, скажем, к материалу, представленному в статье Джеймса Квена «Как будет КВПС финансировать президентские выборы 2019 г.?» [5, 1–2]. В преддверии 18 ноября 2018 г. (дня официального начала избирательной кампании перед выборами президента и национального собрания февраля – марта 2019 г.), утверждает автор, «одним из самых тревожных вопросов, стоящих перед правящим Конгрессом всех прогрессивных сил (КВПС) является вопрос о том, как партия будет финансировать свою кампанию. Большинство денежных мешков, финансировавших кампанию КВПС в 2015 г., либо покинули партию, либо чувствуют себя обиженными из-за того, что не были должным образом вознаграждены после выборов и не смогли вернуть потраченные с начала кампании деньги. В предвыборной кампании перед всеобщими выборами 2015 г. КВПС, даже будучи тогда оппозиционной партией, тратил деньги почти вровень с правящей тогда Народно-демократической партией (НДП). Сообщается, что КВПС потратил на кампанию более 50 млрд. найр при том, что бывший вице-президент Атику Абубакар, ныне кандидат в президенты от НДП, внес, как сообщается, 5 процентов суммы, да и тогдашние губернатор штата Риверс Ротими Амаечи, губернатор штата Кано Рабиу Кваоквасо и губернатор штата Лагос Бабатунде Фашола внесли существенные вклады» [5, 1–2].

Поскольку, отмечает Д. Квен, КВПС идет на выборы 2019 г. уже не как оппозиция, а как партия власти, он, если судить по прошлому опыту нигерийской политической истории, уже не особо нуждается в борьбе за финансирование своей кампании. «Однако политические аналитики говорят, что правящей партии, возможно, при финансировании своей кампании придется побороться за средства, поскольку, как сообщалось, президент Мухаммаду Бухари отказался открыть государственную казну для финансирования предвыборных кампаний. Более того, они указывают также, что политика единого казначейского счета (ЕКС), гарантирующая, что все деньги, начисленные правительству, направляются на один счет, ограничивает суммы, которыми полугосударственные организации и их руководители могут распоряжаться, чтобы внести свой вклад в кампанию КВПС» [5, 2].

Хорошо известно, напоминает Д. Квен, что ранее руководители полугосударственных организаций и учреждений выделяли огромные суммы на финансирование избирательной кампании правящей партии – либо от своего имени, либо опосредованно. «Теперь же... партия будет финансировать всеобщие выборы 2019 г. за счет денег, полученных от продажи бланков для выдвижения кандидатур и по прогнозам составляющих 5,86 миллиарда найр, от сбора средств (3,45 миллиарда), от членских взносов (4,2 миллиарда), продажи партийных билетов (1,0 миллиарда) и сборов с выбранных или назначенных должностных лиц (0,304 миллиарда), что в сумме составит 14,8 миллиардов найр» [5, 2].

Весьма важно для понимания уровня политической культуры – да и вообще общественного сознания – в Нигерии то, что ни цитируемому журналисту, ни кому-либо иному в стране и в голову не придет выразить хоть какое-то недоумение по поводу таких методов партийного строительства, как продажа партийных билетов или соискательских бланков. Журналиста куда больше беспокоят приведенные источником в КВПС цифры, так как проверка, проведенная газетой, показала, что одна только продажа соискательских бланков уже успела дать цифру вдвое больше прогнозной, что «КВПС фактически заработал 12,6 миллиардов найр от продажи бланков для выдвижения кандидатов

в президенты, в Национальное собрание и на губернаторские посты, но большая часть этих денег была потрачена на проведение партийных праймериз и съездов, а также других мероприятий перед голосованием 2019 г.» [5, 2]. Собственно, и упомянутый источник признал, что, поскольку «денежные средства, оставшиеся у партии в запасе, явно недостаточны на фоне внушительности и финансовой жизнеспособности НДП» [5, 2], КВПС, нем не менее, найдет способы финансирования своей избирательной кампании: «Губернаторам, например, придется делать свои ежегодные взносы в размере 200 миллионов найр каждому и еще как минимум по 150 миллионов пожертвовать, а каждый министр и также каждый сенатор на платформе КВПС будет вынужден пожертвовать 100 миллионов найр в дополнение к своим годовым взносам. Члены Палаты представителей от КВПС и прочие назначенцы должны будут заплатить различные суммы от 50 до 100 миллионов найр каждый» [5, 2].

Д. Квен со ссылкой на «руководящего деятеля» КВПС сообщает, что в связи с объявленным нежеланием М.Бухари финансировать свою и своей партии избирательную кампанию из государственного бюджета КВПС вынужден будет «проявить творческий подход к поиску средств на проведение своих кампаний. Хотя руководящий деятель и не раскрыл, что это за творческие средства, о которых он говорил, с того момента (с момента заявления М. Бухари об отказе от бюджетного финансирования избирательной кампании КВПС – А.Э.) возникли псевдоорганизации под знаменем Организации по кампании Бухари, запрашивающие деньги у министерств, ведомств и учреждений (МВУ) путем заключения контрактов. Возможно, полагает BDSUNDAY, это и есть один из таких творческих приемов» [5, 2].

В Нигерии кандидату (не только на президентских выборах) приходится то и дело заверять публику в том, что он идет во власть не ради личного обогащения. Ведь по умолчанию, как ясно даже из журналистских обзоров технологий финансирования избирательных кампаний, политические амбиции принципиально не могут быть поняты публикой как продиктованные бескорыстным желанием послужить интересам широких народных масс. В типичном случае, когда кандидат сам прекрасно понимает, что в своем опыте политической деятельности ему не отыскать никаких доказательств наличия у него какой-то определенной политической позиции, он может, на худой конец, рассчитывать убедить хотя бы самую наивную публику деталями своей биографии, которые, впрочем, также не застрахованы от невыгодных для кандидата толкований и ассоциаций. «Кандидат в губернаторы правящего Конгресса всех прогрессивных сил (КВПС) на всеобщих выборах 2019 г. в штате Ойо Адебайо Аделабу заявил, что пришел в политику не для того, чтобы зарабатывать деньги, а для того, чтобы повлиять на жизнь масс этого штата, как это при жизни делал его покойный дедушка Адегоке Аделабу, политик Первой республики» [4, 58]. Полагаем, продажа соискательских бланков (пятно отнюдь не только нигерийской либеральной демократии) и тому подобные поборы, объективно требующие от плательщика руководствоваться в своей работе прежде всего необходимостью восполнения своих личных финансовых затрат, если в чем-то и выигрывают в сравнении с бичуемой бухаристами финансовой нечистоплотностью НДП, то уж никак не в борьбе против коррупции.

В политических партиях *de jure*, представляющих собою *de facto* не союз единомышленников, а нечто вроде открытого акционерного общества, кадровые проблемы неизбежно влекут за собою финансовые, поэтому не удивительно, что, «по мнению некоторых аналитиков, финансовый спад КВПС явился следствием кризиса, охватившего партию несколькими месяцами ранее и за-

вершившегося уходом некоторых видных деятелей, которые в значительной степени финансировали президентскую кампанию в 2015 г.» [7, 2].

Важно, что проблемы финансирования партии в предвыборной кампании, по поводу которых ломаются копыя и происходит обмен обвинениями как внутри нигерийских политических партий, так и – еще более того – между ними, не возникают независимо от законов страны, но объективно именно в этих законах и заложены. Напомним, что именно в период между всеобщими выборами в Нигерии 2015 и 2019 гг. Вестминстерский фонд демократии опубликовал справку А. Олорунмола «Цена политики в Нигерии» [8]. *Цена политики*, по его мнению, – один из факторов, формирующих политическую культуру нигерийского общества, которая также влияет, обратным образом, на нормы партийной жизни. В прошлые годы, в основном в первой республике, взаимодействие между избирателями и политиками, считает А. Олорунмола, создавало впечатление, что цена политики очень низка, так как нигерийцев интересовали прежде всего программы, планы и авторитет политических партий и кандидатов в аспекте пользы для граждан и страны. Теперь же – иная ситуация, «избиратель больше озабочен личной выгодой, чем авторитетом политиков. В связи с этим обстоятельством деньги играют большую роль, чем содержание или детали программ, с которыми кандидаты ведут кампанию. Чем больше денег партия и ее кандидат могут мобилизовать, тем эффективнее их кампания и вероятность быть избранными. К сожалению, политические партии едва ли ведут бумажный учет всех своих расходов на выборы, который мог бы дать четкое объяснение увеличения цены выборов» [8, 17].

Следует заметить, что исследования, посвященные коррупции в деятельности политических партий Нигерии, прежде всего – коррупционному финансированию избирательных кампаний, – обычно рассматривают предмет либо на уровне обыденного сознания, либо на уровне действующих законоположений, причем второе применительно к таким странам, как Нигерия, отнюдь не выше первого в теоретическом отношении именно потому, что сами законоположения даже по меркам либеральной демократии зачастую представляют собою позитивные санкции беззакония. «Нигерийцы заявляют, со смесью гордости и смущения, что Нигерия славится тремя вещами: обширными месторождениями нефти, футбольной командой «Super Eagles» и коррупцией. Нигерия стала синонимом неэффективного управления, системной коррупции, спама и мошенничества. Ежедневно нигерийские и международные СМИ сообщают о невероятных случаях вопиющей коррупции, которые трудно скрыть и которые происходят у всех на виду. Индекс восприятия коррупции Transparency International неизменно оценивает Нигерию как одну из самых коррумпированных в мире, с небольшими улучшениями за последнее десятилетие» [9, 71]. Преследования же коррупции не связаны с борьбой собственно против коррупции, ибо именно «политические соображения определяют траекторию коррупционных скандалов в Нигерии... Несмотря на некоторые позитивные тенденции – такие, как относительно свободные СМИ, активное гражданское общество, достаточно свободные выборы и так далее, – система правосудия искажена и оставляет виновных безнаказанными. Политическая коррупция, это – «квази-легитимный» инструмент для достижения партийных, личных и политических выгод, а зачастую и всего одновременно. Многие коррупционные скандалы подтверждают часто повторяемое заявление нигерийцев о том, что «коррупция заложена в национальной ДНК»» [9, 72].

Х. Ангербрандт, характеризуя политику КВПС и НДП, соглашается с тем, что «доминирование этих двух партий на выборах основано не на каких-либо

программных или идеологических привязанностях, а, скорее, на распределении патронажных ресурсов и на существующих электоральных преимуществах... Интервью с местными политиками показывают, что их личные качества и кампании значат больше, чем то, к какой партии они принадлежат... Судя по тому, как прошли выборы 2019 г., мало что указывает на то, что эти партии пытаются утвердиться на каком-либо идеологическом или же политически обусловленном основании» [1, 430]. Он признаёт заслуги ННИК в деле очищения процесса голосования в стране от «политических манипуляций» [1, 430], но не питает иллюзий в отношении нигерийского общества, где «политические деятели разработали новые способы победы на выборах без того, чтобы пришлось обращаться к народному мандату. По данным организаций по наблюдению за выборами..., комбинированная стратегия подкупа голосов и насилия была усовершенствована. В отличие от фактов, указывающих на то, что покупка голосов будет уменьшаться по мере того, как избиратели приобретут опыт выборов и получают больший доступ к информации..., в Нигерии опыт выборов и политики, по-видимому, способствует формированию убеждения, что вы можете получать деньги и извлечением чего-то из политики. Местные лидеры и организации гражданского общества сообщают, что покупка голосов, это – в значительной степени успешная стратегия. Как сказал директор одного НПО...: «Люди не против того, чтобы продавать свои голоса. Это как бы вообще не имеет значения»» [1, 430].

Конфликты между партиями, да и внутрипартийные также, в Нигерии не ограничиваются спорами, но нередко принимают радикальные формы, включающие насилие. Сколь бы значительными ни были вспышки насилия в процессе президентской избирательной кампании или вообще вне явной связи с президентскими выборами, уровень насилия в период *сразу после президентских выборов* сопрягается с конфессиональной принадлежностью новоизбранного президента, и это не позволяет обольщаться тенденцией электорального успокоения, которую многие склонны усмотреть в истории двух последних президентских выборов в Нигерии. Всеобщие выборы 2019 г. в Нигерии *по существу* не представляли никакого выбора народу страны, что, впрочем, для буржуазной демократии обычно. На эту тему в Нигерии и за рубежом многое опубликовано; процитируем для примера статью социолога Олудайо в нигерийской газете «Vanguard»: «Наши глобальные рейтинги в области (анти)коррупции, безопасности, образования, здравоохранения, инфраструктуры, бедности, занятости, мира и конфликтов по-прежнему удручающи. Доблестных мужчин в расцвете сил мы потеряли на фронте войны, а многие образованные и квалифицированные нигерийцы толпами покидают страну по обновленной схеме утечки мозгов. Но отряженные ораторы правящей партии хотят, чтобы мы поверили, что все прекрасно. Мы выигрываем войну с терроризмом, да только вот истребитель наш разбился вместе с пятью кормильцами семей. Террористы захватывают местности в Борно; губернатор штата Борно плачет и вместе с принцем Дауры (Даура – город и эмират в штате Кацине. – Прим. А.Э.) умоляет спасти несчастных, в то время как губернатор Замфары не возражает против объявления чрезвычайного положения в его штате ради прекращения поджогов и убийств. Поверните на юг: вы столкнетесь с возмутительными случаями кражи детей, изнасилования, самоубийства, похищения людей, вооруженного ограбления...» [11, 18].

Ними Варибоко вскользь признаёт, что конечным основанием бедственного положения Нигерии является конкретная историческая форма экономического устройства нигерийского общества, остающегося и в постколониаль-

ное время капиталистическим. Он полагает, что какой-либо политический анализ современного состояния нигерийского общества возможен лишь на платформе борьбы против его экономического устройства, жестко ограничивающего в нынешний постколониальный период истории Нигерии возможности ее развития: «Поскольку нигерийское государство и поддерживающие его силы глобального капиталистического режима не смогли обеспечить развитие масс нигерийцев, любая политическая теория развития в Нигерии теперь должна быть связана с сопротивлением и противодействием временам постколониального государства, тем «временам, в которые мы живем» и которые определяют, что возможно и что невозможно в положении данной нации» [12, 103].

Кажется, еще недавно иные авторы, подводя теоретическую базу под исследование деятельности политических партий в Африке, были преисполнены исторического оптимизма и утверждали, что «своей деятельностью партии служат в качестве стабилизирующих институтов в политических системах посредством конструктивного уравнивания и разрешения политических конфликтов» [3, 210]. В избавление науки и даже обыденного сознания от этой иллюзии Нигерия в последние десятилетия внесла весомый вклад.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Angerbrandt H.* Party system institutionalization and the 2019 state elections in Nigeria // *Regional & Federal Studies*. 2020. Vol. 30. N 3. P. 415-440.
2. *Anwar A.* Politics As Dashed Hopes in Nigeria. Ibadan: Safari Books Ltd., 2019. xxvi, 622 p.
3. *Boafo-Arthur K.* Political Parties and Democratic Sustainability in Ghana, 1992–2000 / *African Political Parties: Evolution, Institutionalisation and Governance* / Ed. by M.A.Mohamed Salih. L.: Pluto Press, 2003. P. 207–238.
4. *Feyisipo A.* Oyo Guber: I am not in politics to make money - APC candidate, *Adelabu* // *BusinessDay*. 2018. December 20. P. 58.
5. *Kwen J.* How will APC fund 2019 presidential election? // *Business Day (BDSUNDAY)*. 2018. November 11. P. 1–2.
6. *Mustapha A.R.* 2. Better Elections, More Deaths: Nigeria / *From Divided Pasts to Cohesive Futures* / Ed. by Hiroyuki Hino, Arnim Langer, John Lonsdale and Frances Stewart. N.Y., 2019. P. 69–97.
7. *Oluigbo C., Kwen J., Iwok I.* Lull in polity 2 weeks after presidential campaign kickoff // *Business Day (BD SUNDAY)*. 2018. December 2. P. 1–2.
8. *Olorunmola A.* Cost of Politics in Nigeria. [L.]: Westminster Foundation for Democracy, [2017].
9. *Ojo E.O., Prusa V., Amundsen I.* 4. Congenitally conjoined and inseparable: politics and corruption in Nigeria / *Political Corruption in Africa: Extraction and Power Preservation* / Ed. by Inge Amundsen. Cheltenham, UK – Northampton, MA, USA, c2019. P. 71–94.
10. *Page M.T., Tayo S.* Countdown to February 2019: A Look Ahead at Nigeria's Elections. L.: The Royal Institute of International Affairs – Chatham House, 2018. 14 p.
11. *Tade O.* 'Egypt' as metaphor for APC and PDP // *Vanguard*. 2019. January 18. P. 18.
12. *Wariboko N.* Ethics and Society in Nigeria: Identity, History, Political Theory. Rochester – Suffolk: University of Rochester Press – Boydell & Brewer Limited, 2019. xii, 218 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Элез Андрей Йовович – старший научный сотрудник Центра изучения стран Тропической Африки Института Африки Российской Академии наук, кандидат философских наук (г. Москва, Российская Федерация).

Адрес для переписки: Ул. Спиридоновка, 30/1, г. Москва, 123001, Российская Федерация.

E-mail: aelez@yandex.ru

AUTHOR'S DATA

Elez Andrei Iovovich – Senior Research Fellow, Center for Tropical African Studies, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Philosophical Science (Moscow, Russian Federation).

Address for correspondence: Spiridonovka Str., 30/1, Moscow, 123001, Russian Federation.

E-mail: aelez@yandex.ru

© Элез А. Й., 2021.

Поступила в редакцию 08.06.2021.